

ТРИБУНА

МОЛОДОГО ЖУРНАЛИСТА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

№9 /179/ ДЕКАБРЬ 2018 ГОДА

tribuna.mosconsv.ru

Творческих успехов в Новом году!

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

РАЗГОВОР О ЖИЗНИ

Осень в Москве завершилась крупными интеллектуальными событиями. Одно из них прошло в Центральном Доме художника на Крымской набережной. Международная ярмарка интеллектуальной литературы «Non/fiction» отпраздновала свой двадцатилетний юбилей. Являясь одним из главных ежегодных литературных событий, она привлекает множество книголюбов.

Площадка объединяет более 300 известных отечественных и зарубежных издательств, которые распределены по трем просторным этажам ЦДХ. Здесь посетитель может найти литературу обо всем – от гастрономии до научных текстов и периодических изданий Оксфорда. Книжные издательства предлагают не только ранее вышедшие книги,

но и последние новинки. Кроме того, весь второй этаж отведен для стендов с современной детской литературой, разнообразие которой поражает. Приятным дополнением к огромному количеству книжной продукции стали старые, всеохватные по жанрам виниловые пластинки. Надо отметить, что Центральный Дом художника 20 лет являлся местом проведения данного мероприятия, но со следующего года оно сменит свою локацию.

Однако ярмарка «Non/fiction» не ограничивается продажей. Главная ее цель заключается в проведении презентаций книг, семинаров, дискуссий, встреч с известными литераторами и другими деятелями искусства. В этом году среди участников подобных мероприятий можно было увидеть актрису Чулпан Хаматову,

писателей Михаила Веллера, Макса Фрая (литературный псевдоним двух личностей), Наталью Солженицыну и множество других.

Почетным гостем-страной ярмарки стала Италия, которая также проводила продажи и презентации, освещающие литературные достижения современных итальянских писателей. Мероприятия были объединены названием «Итальянский проспект» по аналогии с главными проспектами нашей страны – Ленинским в Москве и Невским в Санкт-Петербурге.

Мне удалось побывать на одной из дискуссий, проводимых в рамках ярмарки. Ее участниками стали журналист и телеведущая Дарья Златопольская, известная по программе «Белая студия» и шоу «Синяя птица», главный редактор интернет-журнала о литературе «Горький» Константин Мильчин, кинорежиссеры Вадим Абдрашитов, Павел Лунгин, Сергей Урсулак. На презентации книги Златопольской «Важные вещи: диалоги о любви, успехе, свободе» участники дискутировали, поднимая вопросы этики и свободы в интернет-пространстве.

Рассуждения касались, с одной стороны, опасности, которую несет вседозволенность высказывания любого пользователя социальной сети, с другой – принципиального изменения этических стандартов и, следовательно, всего человеческого мышления в целом. Константин Мильчин отметил, что роль интернета сильно преувеличена, и разница между кухонными разговорами и интернет-перепиской минимальна. Единственным важным отличием, по его мнению, стала моментальность высказывания и отсутствие фильтров, как внутренних-эмоциональных, так и технических, контролирующих возможность массовой публикации определенной мысли.

Множество вопросов на встрече остались открытыми, однако все отметили, что хорошего в современном коммуникационном пространстве стало больше. «Книжная ярмарка – способ информирования. Мы, начиная говорить о книгах, переходим на разговоры о жизни, самых главных вещах» – заключили спикеры.

Мария Невидимова,
III курс ИТФ

МУЗЫКА И МУЗЕЙ

Многолетняя дружба Московской консерватории и Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина является давней и плодотворной. В 1999 году в ГМИИ им.Пушкина был создан отдел музыкальной культуры, деятельностью которого стала организация музыкальных мероприятий (концертов, музыкальных программ к вернисажам и знаменательным датам, творческих встреч с музыкантами) а также проведение международного музыкального фестиваля «Декабрьские вечера Святослава Рихтера». Во многих из них до сих пор принимают участие выпускники Московской консерватории, преподаватели, студенты.

Звучание музыки наполняет Белый зал музея, где традиционно проходят «Декабрьские вечера», зал Итальянского дворика, «Мусейон», Зал Микеланджело, где звучит органная музыка. Концерты проводятся в филиале музея – Мемориальной квартире Святослава Рихтера. Даже территория перед входом в Главное здание бывает наполнена звуками классической музыки.

ГМИИ организует вечера камерной и старинной музыки, мероприятия в рамках «Пятниц в Пушкинском». В концертных программах принимают участие преподаватели и аспиранты Московской консерватории, солисты Большого театра, симфонические и камерные оркестры, а также реализуется цикл лекций на разные темы, экскурсии по основным выставкам сезона.

Кульминация каждого года наступает в декабре. «Декабрьские вечера» были впервые проведены в 1981 году по инициативе Святослава Теофиловича Рихтера и Ирины Александровны Антоновой. После смерти великого пианиста в 1997 году фестиваль назван его именем. В разные годы в проекте участвовали исполнители, неразрывно связанные с Московской консерваторией –

Алексей Любимов, Наталия Гутман, Олег Каган, Юрий Башмет, Виктор Третьяков, Михаил Плетнев и другие выдающиеся музыканты. В программе фестиваля обязательно присутствует диалог музыки, пластических искусств и художественного слова, что делает его уникальным среди множества мировых музыкальных фестивалей.

В этом году «Декабрьские вечера» проходят в тридцать восьмой раз. Его программа посвящена выставке «Пикассо & Хохлова». Она включает в себя испанскую, французскую и русскую музыку, которая, по замыслу организаторов, созвучна творчеству знаменитого испанского художника. Вот лишь названия некоторых программ: «Пабло Пикассо. Балетный триптих», «Вирази ХХ века» (Бельгия), «Homage a Maestro Richter», «Марина Цветаева. Между любовью и любовью» (поэтический вечер), и все это – в исполнении лучших музыкантов, среди которых Пламена Мангова, ансамбль солистов «Студия новой музыки» и многие другие.

Кстати, экспонаты музея изобразительных искусств присутствуют и в стенах Московской консерватории. Так, к столетию со дня рождения Святослава Рихтера в фойе Большого зала музея осуществил выставку «Святослав Рихтер Ars Ludus», которая вошла в концертную программу юбилея («Российский музыкант» в свое время подробно рассказывал об этом событии своим читателям – см. РМ, 2015, №4). А Президент музея Ирина Антонова в этом году отметила свой день рождения творческой встречей с нашими студентами в стенах Рахманиновского зала (см. РМ, 2018, №4).

В целом, на протяжении многих лет дружбы и взаимодействия Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина и Московская консерватория смогли развить такое уникальное явление как связь изобразительного искусства и музыки.

Антонина Чукаева,
III курс, муз. журналистика

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

ТАК ДАЙТЕ ЖЕ ЗАНАВЕС!

Постановка шедевра П.И. Чайковского «Пиковая дама» в театре «Геликон-опера» дала понять, что является самым главным в каждом спектакле. Гордость любого театра – его занавес. Этот немаловажный атрибут действия служит полотном для художников, позволяя им осуществлять свои самые грандиозные замыслы. Занавес прячет от чужих глаз перемену декораций и приземленно-грубоватые движения работников сцены. И даже любовно укроет любые форс-мажорные ситуации в представлении. Так вот, в «Геликон-опере» занавеса нет!

Режиссер-постановщик Дмитрий Бертман проявил невиданную щедрость по отношению к дирижеру Владимиру Федосееву, оркестрантам и хору, позволив им занять все внутреннее пространство сцены. Действие, таким образом, целиком концентрируется на крохотной авансцене. Зрители чувствуют себя отлично – игровой стол и несколько стульев оказались так близко расположенными к рядам кресел, что можно наклониться над ухом одного из игроков и посоветовать ему сменить ход. Но вот незадача – авансцена ничем не прикрывается. И тут начинаются проблемы.

Мало кто задумывался над главной функцией занавеса – дать персонажу на сцене спокойно умереть. Отсутствие «покрытия» вызвало самое необычное в истории решение смерти Лизы. «Погиб он, погиб! А вместе с ним и я!» – восклицает пушкинская героиня, выхватывает свечу из подсвечника и... просто уходит со сцены. Но не тут-то было. Лиза подходит к двери справа, но дверь внезапно оказывается экраном, необходимым для трансляции призрака графини. Тогда Лиза резко разворачивается и быстрыми шагами через всю сцену направляется к противоположной двери, по возможности стараясь сохранять трагическое выражение лица. К счастью, Чайковский написал для ее передвижений достаточное количество музыки.

Смерть Германа произошла не менее оригинально. «Жизнь моя? Возьми ее!» – поет влюбленный игрок, глядя на злополучную карту у себя в руках. У Германа и Лизы обнаружилось много общего: вместо того, чтобы заколоться, как это предписывалось в либретто, Герман также ушел со сцены. Последние свои слова офицер пропел из-за кулис, стыдливо таясь от публики.

Но графиня-то обязана умереть – это, извините, уже стало классикой. Ее тело лежало на игральном столе (вот она, польза занавеса,

кто-то же должен уносить «трупы»). Однако уже в следующей картине появился призрак графини, что позволило и ей уйти со сцены самостоятельно.

Расположение оркестра в глубине сцены создало еще одну загвоздку. Певцы, стоящие лицом к зрительному залу, и дирижер – лицом к оркестру, оказались спиной друг к другу. На случай, если исполнители все же захотят посмотреть на маэстро, на пол рядом с софой поставили незаметный полупрозрачный экран, на который в реальном времени передавались жесты вокалиста. «Прочь, страшное виденье!» – испуганно кричит Герман, лежа на полу, глядя дирижеру прямо в глаза и суеверно отмахиваясь от него платочком.

Вместо того, чтобы представить оперу в три действия, она была дана всего с одним антрактом. Небольшой перерыв сделали в середине третьей картины, и когда загорелся свет, зрители ничего не поняли и совсем забыли поаплодировать. Так и ушли со сцены хор, распорядитель, Чекалинский, Сурин, Томский, Елецкий, Графиня, Лиза, Герман...

Так дайте же занавес!

Алиса Насибулина,
III курс ИТФ
Фото Ирины Шымчак

ЕСТЕСТВЕННО И БУДНИЧНО

Опера Пуччини «Богема» хорошо известна и исключительно популярна. Она украшает репертуар многих театров по сей день. В этом году в Большом театре представили ее новую версию.

Неприкаянная жизнь героев «Богемы» в трактовке режиссера Жан-Романа Весперини стала, как ни странно, единственным островком стабильности в море представленной парижской действительности. Постановка поражала обилием красочных костюмов (не без «богемщины») и щедрыми декорациями, а также умиляла появлением животных на сцене. Это – своего рода традиция Большого. Если, например, в русской опере вывести на сцену коня – уже классика, то почему бы здесь не выпустить дрессированного пуделя? Он отвлекает внимание зрителя от небольшой суматохи в многолюдной сцене.

Камерные дуэты Рудольфа (Теодор Илинкай) и Мими (Анна Нечаева) оркестр под руководством Азиза Шохакимова исполнили на редкость хорошо. Казалось, что ледяной ветер, гулявший в тот вечер за стенами Большого ворвался вслед за Мими в квартиру друзей и злое присутствие во всех диалогах, словно незримый герой.

Залихватские ансамблевые номера юношей (особенно, квартеты) звучали несколько торопливо и «крупным помолом». Безусловно, состав солистов накладывал отпечаток на исполнение. Вдобавок, иногда оркестр будто пытался догнать вокалистов, что было немного странно. Массовые сцены, напротив, оказались очень гармоничными. Многоплановость музыки и действия, их выверенность – то, что является визитной карточкой опер Большого театра, радовали слушателей. Яркое в своих амплуа смотрелись Марсель (Константин Шушаков) и, в особенности, Мюзетта (Гузель Шарипова), актерская игра которой – выше всяких похвал.

Дирижер и оркестр, казалось, настолько расслабились и получали удовольствие от приятной музыки, что исполняли все немного небрежно-лениво. Плавному звучанию не хватало остроты, такого нужного «надрыва», который присутствует в музыке этой оперы и, в частности, проявляется в образе обреченной Мими.

А если предположить, что все это именно так и задумывалось? Тогда цель спектакля, созвучная выражению Даргомыжского «хочу правды», выраженная в стремлении отразить сюжет максимально правдоподобно и «жизненно», достигнута. Все было естественно и... буднично. Солисты? Хороши. Оркестр? Неплох. Постановка? Тоже вполне любопытна. Эмоции от спектакля, в целом, положительные, но очень спокойные.

Ангелина Шульга,
IV курс ИТФ
Фото Дамира Юсупова

ЗА ТВОРЧЕСКОЙ БЕСЕДОЙ

«ПИСАТЬ МУЗЫКУ “НЕ ДЛЯ ВСЕХ” – НЕ МОЕ ПРИЗВАНИЕ...»

Творчество композитора Владимира Шергова весьма широкоохватное. Будучи студентом Московской консерватории, Владимир пробовал сочинять практически во всех видах авангардной техники, любил экспериментировать с электроникой. Но, в итоге, его выбор пал на оркестровую музыку – сейчас он активно сотрудничает с Губернским духовым оркестром Московской области. Я решила встретиться с этим талантливым человеком и задать ему несколько вопросов:

– Владимир, со скольких лет вы начали всерьез интересоваться музыкой?

– Сложно сказать. В шестом классе я полюбил балетную и симфоническую музыку, в училище – фортепианную миниатюру, в консерватории был одержим авангардом. Сейчас в моем арсенале – не только академическая музыка, но и эстрадная, роковая, джазовая, «легкая» – всего не перечислить. Ну и, конечно, благодаря консерваторским экспедициям – фольклор, который я лелею.

– Что стало вашим первым сочинением?

– Я начал баловаться фортепианными миниатюрами, хотел создать свои «Мимолетности». Это, собственно, и был мой первый опус, который я назвал «Афоризмы».

– А с чем вы пришли к моменту выпускных экзаменов?

– Моими дипломными работами были четыре произведения – септет «Поединок», «Приказание и наступление» для ансамбля солистов, поэма для духового оркестра «Терские казаки», симфоническая картина «Солнечное золото». «Терские казаки» написаны под впечатлением от фольклорной экспедиции в Ставропольский край. В поэме цитируются и трансформируются две казачьих темы – одна плясовая, другая лирическая. В «Солнечном золоте» концепция «от мрака – к свету» как никогда актуальна: от постмодернистской техники в первой половине произведения, где

бушует ночь – к тональному, утреннему гимническому просветлению.

– Открыли ли эти сочинения новый этап вашего творчества?

– Пьесы для ансамбля солистов – это, скорее, мое «прощание» с постмодернистской техникой. Я относился к этим произведениям с изрядной долей иронии. Я знал, что к данному типу фактуры, вероятнее всего, не вернусь, поэтому решил сделать такие комические пьесы.

– Я знаю, что ваши сочинения уже исполнялись на фестивале «Московская Осень».

– Да, «Терские казаки». Тогда я был почти выпускником, студентом V курса. Для «Московской осени» это довольно редкий случай. Но, к счастью, комиссия духовой секции меня поддержала, в том числе и мой наставник, педагог по духовому оркестру Игорь Николаевич Савинов.

– С каким музыкальным стилем вы себя соотносите?

– Мне сложно определить свой стиль, поскольку я – человек «всеядный», и мне было бы крайне тесно в рамках одного стиля. Тем более, во время учебы я каждый семестр писал в разных видах техники – структу-

рализм, сонорика, сонористика, электронная музыка, минимализм. Но в какой-то момент, когда пришло время осваивать различные типы оркестра, я понял, что это – мое. Мне нравится работать с оркестрами, и могу сказать с уверенностью: сегодня я себя не вижу как композитора в камерной музыке. Но время покажет.

– Какое произведение далось вам «кровью сердца» (по выражению Э. Грига) и вы могли бы назвать его наиболее выстраданным из всех сочинений?

– Пожалуй, «Солнечное золото». Есть некоторые места в этом произведении, где мне до сих пор приходится бороться с накарывающими слезами. Это, конечно, субъективные авторские ощущения.

– Могли бы вы сказать, какого направления не хватает в современной музыке, и каким тенденциям вы бы следовали в плане сочинения музыки?

– Мне кажется, что мы живем в такие времена, когда хватает всего сполна! Иное дело, что некоторые направления в данный момент неактуальны, и на них спрос намного меньше, чем в конце XX века. Это касается и академической музыки, и эстрадной. Что касается меня, я пока не могу дать окончательный ответ: выбор огромный, и каждый жанр и направление по-своему хороши. К тому же, я очень люблю экспериментировать, ломать штампы. Но могу сказать наверняка, что в авангард я, скорее всего уже не вернусь. Писать музыку «не для всех» – не мое призвание.

– Как бы вы сформулировали свое творческое кредо и что можете пожелать коллегам?

– Самое главное – будь честным по отношению к себе, люби то, что делаешь, и делай то, что любишь! У каждого свой творческий путь; главное – найти людей, которым ваше творчество будет небезразлично. Ищите и обращайтесь!

Беседовала Анастасия Фомина,
IV курс ИТФ

ПРОБЛЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

ПРЕОДОЛЕТЬ БАРЬЕРЫ

Вопрос исполнения западной средневековой музыки в России – «больная» тема для многих музыкантов. По ряду причин музыка Средневековья у нас сначала была неизвестна, потом непопулярна, а в прошлом столетии, по сути, ушла «в подполье». Наконец, наступил XXI век, в котором слушатель, казалось бы, ищет и осознает самую разную музыку, но все равно оставляет в тени малоизвестную и не бросающуюся в глаза область музыки средневековой. Каковы же барьеры, которые мешают ее восприятию?

Итак, первый барьер – это огромное число непривычных для нас жанров средневековой музыки. Лишь малая часть бытует в современности. Хорал, органум, троп, секвенция, мотет... Что это такое? Почему так называются? Как это звучит? В чем смысл такой музыки? Публика, не склонная погружаться в чтение справочников и не имеющая на это времени, пребывает в растерянности. Но этот барьер преодолевается жаждой новизны: слушатель минует его, увидев на афише концерта средневековой музыки незнакомые слова, и все равно покупает билет – хотя бы из любопытства.

Вторая сложность – воспроизведение музыки артистом непременно должно быть осознанным. К счастью, исполнители не просто играют ноты, они настроены вдумчиво работать с нотным текстом. Такое решение, вкупе с установлением хороших международных контактов, позволяет им доставать материалы и грамотно изучать этот музыкальный пласт.

Третий барьер вытекает из второго: недостаточная теоретическая база для исполнителей. Чтобы грамотно интерпретировать такую музыку, необходимы дополнительные знания. В этом направлении работа медленно, но ведется: наследие российского музыковедения пополняется новыми исследованиями

MUSICA MENSURATA. Это – достойный проект работы многих российских и иностранных музыкантов, который открывает прекрасные качества средневековой музыки и помогает нам составить о ней представление. Просветительская работа в этом направлении активно ведется не только на концертах, но и в интернете, на сайте фестиваля.

Конечно, всегда есть к чему стремиться. Так, на заключительном концерте нынешнего фестиваля, посвященного истории средневекового мотета XIII и XIV веков, которую передал коллектив *Ensemble Labyrinthus* при очень гармоничной композиции вечера, случались

и, главное, – переводами европейских трудов.

Остается последний барьер – неосведомленность слушателя. Эта проблема исчезнет, если исполнители начнут говорить со слушателем о музыке, объяснять ее, поскольку диалог посредством слова пока более доступен, чем посредством музыки. Практика слова в концерте – не новость, но именно при встрече с музыкой Средневековья слово поистине «глаголом жжет сердца».

Без горячей инициативы, безусловно, не состоится ни исполнение, ни концерт. Например, без нее не сложился бы фестиваль

некоторые огрехи, касающиеся техники исполнения, работе со старинными текстами. Но ошибки – это естественно, в дальнейшем они должны быть проработаны.

В нынешнем октябре фестиваль проходил уже в пятый раз. Приятно, что людей, интересующихся средневековой музыкой – от профессионалов до меломанов – с каждым годом все больше. Постепенно и фестиваль уверенно преодолевает барьеры.

Ангелина Шульга,
IV курс ИТФ

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В СЛУЖЕНИИ ОБЩЕМУ ДЕЛУ

27 октября в Большом зале состоялся концерт ансамбля «*Questa musica*» под управлением Филиппа Чижевского, ознаменовавший десятилетие коллектива.

Фигура молодого дирижера Ф. Чижевского вызывает огромное уважение. Он – выпускник Московской консерватории по двум специальностям: хоровое дирижирование (класс проф. С.С. Калинина) и оперно-симфоническое дирижирование (класс народного артиста России, проф. В.К. Полянского). В 2008 году молодой музыкант стал лауреатом всероссийского конкурса дирижеров в Москве.

Творческая жизнь Ф. Чижевского всегда была очень активной и насыщенной: в 2012 году он дебютировал как дирижер в Большом театре, а в сезоне 2014/2015 был музыкальным руководителем первого барочного фестиваля главной оперной сцены России. И вот уже десять лет Чижевский управляет своим ансамблем, о котором сейчас можно смело говорить, что он достиг статуса оркестра.

«*Questa musica*» – проект, объединивший старинную и современную музыку. Неслучайно многие его участники – студенты и выпускники Факультета исторического и современного исполнительского искусства Московской консерватории. Коллектив проявил высокое мастерство, исполнив произведения двух различных эпох – второй половины XVIII века (Гайдн) и середины XX века (Стравинский, Онеггер). Музыканты замечательно передали чистоту и ясность музыкального языка трех композиторов, в чем-то близких друг другу.

В обоих отделениях концерта звучали произведения Гайдна в сочетании

с музыкой композиторов XX века. Вечер открыл «Базельский концерт» Стравинского, написанный сразу после окончания Второй мировой войны, в 1946 году. Стравинский посвятил его Паулю Захеру, создателю струнного оркестра в Базеле. Музыка концерта словно говорила о вечном, призывала людей вернуться к мирной жизни. Она воспринималась как луч солнца, который невозможно погасить. Чувствовалась, скорее, не радость, а умиротворение и покой.

Первое отделение завершал Концерт Гайдна для скрипки с оркестром соль мажор (солист – Дмитрий Смирнов). Сочинение долгое время было утеряно, и лишь в 1909 году его обнаружили в архивах. Это произведение – оптимистичное, светлое по настроению. В нем можно услышать гайдновскую простоту музыкального языка, остроумие. Солирующая скрипка не «соревнуется» с остальными музыкантами, ее партия гармонично вплетается в музыкальную ткань. И такая концепция была очень красиво передана солистом и оркестром.

Второе отделение открыла Вторая симфония Онеггера ре минор, известная как «Симфония сопротивления». Создавая ее, Онеггер отказался покинуть оккупированный немцами Париж. Премьера произведения состоялась в январе 1942 года в Базеле, а затем симфония была представлена на суд публики в Париже и в блокадном Ленинграде. Если в «Базельском концерте» звучание оркестра весьма ясное, то в «Симфонии сопротивления» – сумрачное. При этом и в ней побеждает созидательное начало – оно зарождается в первых тактах, создающих впечатление, будто задушевно беседуют несколько людей, оставшихся в живых, на фоне всеобщей гибели и разрушения. Интерпретация Чижевского с «*Questa musica*» во многом показала человечность Онеггера, его веру в мир на Земле.

В заключение вечера ансамбль исполнил Симфонию Гайдна №70 ре мажор («с трубами и литаврами», 1779). Произведение было сыграно с воодушевлением, празднично и ярко. Чижевский с большим вкусом использовал континуо в обоих произведениях Гайдна, клавесин оказался полноценным участником повествования (партию исполнила Дарья Волобуева). В коде финала, написанного в миноре, так и хотелось впустить в зал вернувшийся мажор.

«*Questa musica*» – пример того, каких больших творческих высот могут достичь молодые музыканты, собравшись вместе и служа общему делу. Желаем новых выдающихся свершений Филиппу Чижевскому и его единомышленникам!

Степан Игнатъев,
IV курс ФФ

ГДЕ МОЙ КЛАСС?

Качество обучения в российских музыкальных вузах пользуется успехом во всем мире. Каждый год в них поступает много желающих совершенствовать свое исполнительское мастерство. И для получения такого опыта немаловажную роль играют условия, в которых находятся музыканты. В особенности – условия для репетиций.

К сожалению, в последнее время студенты музыкальных вузов страдают от ситуации с местами для занятий. Их просто не хватает! Когда я училась в Самарском музыкальном училище по классу фортепиано, классы были все время загружены. Если удавалось взять свободную аудиторию, то в лучшем случае, на два часа.

В общежитиях многих музыкальных вузов столицы репетириев нет. Но, несмотря на то, что Московская консерватория в этом плане имеет огромное преимущество, количество таких помещений не может полностью решить проблему места для длительных занятий студентов. Им по-прежнему дается мало времени: еще год назад в репетитории общежития класс можно было взять лишь на три часа в день, а сейчас, в связи с переездом в новый корпус, занятия сократили до двух часов. Я уже не говорю о больших очередях за классами в каждом учебном корпусе консерватории!

Кроме того, немаловажно качество инструментов в репетиториях – многие оставляют желать лучшего. Эту проблему частично решили доставкой новых роялей в старый корпус общежития. Но как же быть со студентами факультетов, которые проходят *общее* фортепиано? Ведь им запрещено выдавать классы, предназначенные исключительно для пианистов. Хотя бывали случаи, когда классы для пианистов пустовали, в то время как классы для общего фортепиано оказывались переполненными.

Спрашивается – и как же подготовиться к экзамену по общему фортепиано? На нем нужно исполнить четыре произведения, в числе которых и полифония, и крупная форма. Все они требуют длительного разучивания. Есть, конечно, вариант пойти в частные репетитории. Но такие занятия стоят денег, и позволить себе эту роскошь могут немногие.

Ситуация с репетиториями, увы, объективна. И все же необходимо пытаться найти ее решение. Благоприятные условия для занятий способствуют большей продуктивности, а, следовательно, и высокому профессионализму будущих музыкантов.

Олеся Зубова,
IV курс ИТФ

НОВАЯ МУЗЫКА

«МЫ СУЩЕСТВУЕМ НА ПРАВАХ ПОЛУМАРГИНАЛА...»

Ансамбль солистов «Студия новой музыки» в этом году празднует серьезную дату – 25 лет. Не хочется употреблять слово «юбилей», так как есть на этом слове осадок чего-то возрастного и стареющего. А коллектив, принимающий поздравления, исполняет самую современную музыку и с этими качествами никак не может быть связан. В этом еще раз удалось убедиться 18 октября на концерте в Большом зале под названием «Суррогатные города».

Тогда прозвучали произведения отечественных и зарубежных композиторов разных стилевых направлений музыки XX и XXI веков – Айвза, Курляндского, Тарнопольского, Райха, Гёббельса, Берно, Фелдмана, Чина и Шостаковича. В фойе была представлена инсталляция Алексея Наджарова и Николая Попова – гости могли набрать на компьютере текст поздравления для «Студии», который тут же озвучивал самоиграющий рояль, подключенный к компьютеру. После концерта мне удалось немного побеседовать с художественным руководителем «Студии новой музыки», профессором В.Г. Тарнопольским:

– Владимир Григорьевич, почему «Суррогатные города»?

– Мы всегда стараемся вложить в наши программы общественно актуальную идею. Концепцию юбилейного концерта, так же, как и программу, составил Владислав Тарнопольский. Мне кажется, есть некоторая разница между поколениями, и младшее поколение какие-то вещи чувствует более остро – к нему стоит прислушиваться.

Предложенная Владиславом идея мне показалась очень интересной. Внешне она была связана с музыкой разных городов. Ключом к этой концепции стало сочинение Хайнера Гёббельса «Суррогатные города». Современные мегаполисы, такие как Москва, Лондон, Нью-Йорк (я уже не говорю о китайских городах!) живут супер-интенсивной жизнью, каждый день в них происходит очень много всего.

– По какому принципу отбирались сочинения?

– У нас были определенные ограничения в репертуаре. Все-таки одно дело играть в Рахманиновском зале для аудитории более узкой, профессиональной, а другое дело – в Большом зале, где сидит почти две тысячи человек самых разных профессий. Поэтому мы старались сделать программу чуть более демократичной. Например, в связи с этим, было немного больше сочинений минималистов.

Вообще, мне кажется, в Москве за последние десять лет публика сменилась. Стало, к сожалению, меньше грамотных, музыкально образованных слушателей. Но появилось много интеллектуалов, желающих впитывать в себя современную музыку, хотя не у всех есть необходимый слуховой опыт. Поэтому мы были очень осторожны в выборе программы.

– Если пометать и заглянуть в будущее, то каким бы Вы хотели видеть пятидесятилетие Студии?

– Хороший вопрос! Трудно сказать. Дело в том, что современная музыкальная политика дисбалансирована. Есть очень много оркестров, исполняющих классическую музыку, но музыканты в них сидят одни и те же. Это не способствует ни росту исполнителя, ни росту оркестра, ни разнообразию репертуара. В это же время коллективы, специализирующиеся на современной музыке – их в Москве где-то три, а в России, думаю, ненамного больше – практически лишены государственной поддержки. Мы существуем на правах полумаргинала и только при поддержке консерватории.

Есть и другая проблема: публика, заинтересованная в современной экспериментальной музыке, переместилась в центры современного искусства. Там господствует более легкая и, к 2018 году, уже «пройденная» музыка. Это, скорее, внешне яркий event, нежели серьезная современная музыка. Классику современности, по большому счету, играет только «Студия». А когда нет главных имен, представляющих современное искусство, то любая «пятисортная» подделка кажется откровением.

Так что мои пожелания на пятидесятилетие – быть не маргинальной, а полноценной институцией. Чтобы в России было много коллективов, исполняющих современную музыку. Чтобы в кровь и плоть всем нам вошли авангардисты первой половины XX века – Попов, Мосолов, Рославцев, Голышев, Вышнеградский, Обухов... Это ведь неизвестные гении! Я надеюсь, что все это когда-нибудь сбудется.

Спроф. В.Г. Тарнопольским
беседовала Анастасия Ким,
III курс ИТФ

МУЗЫКА РОЖДАЛАСЬ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Октябрь в Российской академии музыки имени Гнесиных начался с образовательного проекта по современной музыке – *Gnesin Contemporary Music Week*. Но четырехдневный интенсив – лишь видимая часть процесса: масштабная творческая лаборатория, в которой приняли участие более 60 человек, готовилась весь сентябрь, а ее идея появилась еще весной. Это событие организовано студентами и аспирантами – теми, кто ощутил острую потребность в том, чтобы современная музыка укрепилась, жила и звучала в стенах Академии.

Насыщенный график лаборатории включал в себя лекции, беседы, концерты и воркшопы (особая форма – синтез лекции и мастер-класса, задача которой показать приемы работы над произведением). Существует мнение, что современная музыка сложна для восприятия и исполнения. Она кажется специфическим набором знаков и символов, которые, подобно некой формуле, понятны лишь посвященным. Но *Gnesin Contemporary Music Week* продемонстрировала совершенно противоположное: современная музыка, безусловно, интересна, доступна и не так уж и сложна, как кажется на первый взгляд. Пространство, представлявшееся раньше темным и пугающим, оказалось полным возможностей – открылся целый мир со своими светилами. Возникло необычное ощущение единения участников, слушателей и кураторов. Вместе мы путешествовали по этому миру, рассматривая разные его грани, наблюдали за музыкой, которая рождалась здесь и сейчас. И общими усилиями удалось

развеев заблуждение, открыв контуры реального.

Своеобразным отражением всего проекта явилось практическое занятие по свободной импровизации с композитором Владимиром Горлинским. Оно начиналось с погружения в окружающий нас мир – слушивание в шум города через открытое окно и попытки построить в него звучание своего инструмента. Дальше процесс импровизации был сосредоточен на самих участниках, которые, освоив пространство зала, вышли за его пределы и продолжили импровизацию в коридорах Академии. Завершалось занятие составление партитуры той формы, которая сложилась в результате импровизации.

Неделя современной музыки началась с выступления организаторов события: Татьяны Яковлевой, Ирины Севастьяновой и Натальи Вересковской, которые очертили картину современной музыки в настоящее время. Продолжила лабораторию целая серия воркшопов, каждый из которых, словно штрих, добавлял нечто свое в общую картину. Охват исполнителей и инструментов был значителен: Евгений Бархатов (кларнет), Оксана Сушкова (арфа), Иван Бушуев (флейта), Ольга Власова (вокал), Наталья Черкасова (фортепиано), Сергей Чирков (баян), Григорий Кротенко (контрабас), Дмитрий Власик (ударные), Александр Рыжинский (хоровые партитуры).

На воркшопах и лекциях были затронуты практически все грани деятельности музыканта: исполнитель, композитор, теоретик, журналист. В рамках «Недели современной музыки» состоялась лекция профессора Т.В. Цареградской, рассказавшей о композиторах, чьи сочинения звучали в финальном

концерте, и лекция критика С. Уварова, который дал свой ответ на вопрос, как писать о современной музыке.

На протяжении всей лаборатории прошли встречи с участниками проекта, исполнителями, а также с музыкантами ансамбля *KUMATIS*, давшими концерт в один из вечеров. Необычно было слушать музыку Стива Райха и Тристана Мюрая в строгом зале с колоннами в полной темноте. Но еще большей неожиданностью стал заключительный концерт, на котором выступили студенты лаборатории. С сентября с ними работали над произведениями музыканты «Студии новой музыки» и Московского ансамбля современной музыки. Один только список композиторов, чьи сочинения были включены в программу концерта, впечатляет: Арнольд Шенберг, Тристан Мюрай, Лучано Берно, Николай Корндорф, Франческо Филлиди, Дэвид Лэнг, Фредерик Ржевски. Отрадно, что произведения были исполнены участниками лаборатории на высоком уровне. Концерт стал ярким финальным восклицательным знаком всего события.

Лаборатория завершилась. Но как музыкальная импровизация предполагает бесконечное множество вариантов, так и для продолжения исканий открыто множество путей. Хочется пожелать, чтобы инициатива *Gnesin Contemporary Music Week*, которая несомненно содержит в себе импульс дальнейшего развития, в будущем сложилась в устойчивую прекрасную музыкальную форму.

Александра Мороз,
II курс, муз. журналистика

ПРОБЛЕМА

ПОМОГИТЕ,
МНЕ ПЛОХО...

Самое ценное для человека – здоровье. Все мы стараемся его сохранить. Но сегодня, в условиях нашей бурной, стремительной жизни это не так-то просто. Часто находясь в местах большого скопления людей, каждый в любой момент может получить травму. И высшее учебное заведение, к коим относится наша консерватория, – не исключение. Никто, к сожалению, не застрахован от несчастного случая – будь то студент, педагог или сотрудник.

«Перебежки» по улице между разными корпусами вполне могут обернуться чем-то серьезным. Не менее травмоопасный фактор, существующий в консерватории – длительный ремонт, который также может представлять угрозу. И возникает вопрос: а куда идти в таком случае? Ведь в консерватории ни в одном из четырех корпусов нет медпункта! Может быть, кто-то скажет, что в нем нет необходимости, и следует вызвать «Скорую помощь», а если травма не так опасна, самому добраться до поликлиники. Но если мы захотим найти ближайший травмпункт, то выясним, что находится он

в районе станции метро «Улица 1905 года», что довольно далеко от нашего вуза.

В конце концов, существует такое понятие как «первая медицинская помощь», без которой иногда просто не обойтись. Конечно, всех нас стараются научить ее оказывать на занятиях по БЖД. Но на младших курсах мы относимся к этим урокам не так серьезно, как, наверное, стоило бы. Все это станет для нас актуальным только тогда, когда непременно возникнет риск для здоровья. Поэтому медкабинет для оказания первой помощи в Московской консерватории, конечно, должен быть.

Любой музыкант может просто переиграть руку – ведь ни для кого не секрет, что студенты часами проводят время за инструментом. Еще одна проблема – длительные занятия, в том числе и групповые, элементарно могут вызвать головную боль, связанную с переутомлением. Здесь, опять же, как никогда кстати пришелся бы медпункт.

Очень бы хотелось, чтобы руководство консерватории не осталось в стороне и всерьез задумалось над этой проблемой и ее решением. А если для этого требуется какая-то инициатива студентов, то среди нас есть те, кто готов помочь и сделать все необходимое для того, чтобы в нашем учебном заведении, наконец, появился медкабинет, в котором мы так нуждаемся.

Екатерина Лубова,
IV курс ИТФ

